

Сумина Наталья Владимировна

**ПСИХОТЕРАПЕВТ И ЕГО КЛИЕНТ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПАЖИ: СООТНОШЕНИЕ
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ С РЕАЛЬНОСТЬЮ**

Целью статьи является описание номинаций субъекта психотерапевтического дискурса - психотерапевта. В статье также приводятся социалингвальные характеристики адресата психотерапевтического дискурса - клиента. Автор приходит к выводу, что содержанием психотерапевтического дискурса является разговор о чувствах. Лингвистическим механизмом осознания владеющих клиентом чувств является дефразеологизация. В работе использованы методы понятийного, дискурсивного, интерпретативного анализа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-2/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 2. С. 137-140. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

24. **Mannheimer Morgen** [Электронный ресурс] // Moderne deutsch-russische Idiomatik: ein Korpus-Wörterbuch. URL: http://wvonline.ids-mannheim.de/idiome_russ/index.htm (дата обращения: 25.08.2016).
25. **Moderne deutsch-russische Idiomatik: ein Korpus-Wörterbuch** [Электронный ресурс]. URL: http://wvonline.ids-mannheim.de/idiome_russ/index.htm (дата обращения: 25.08.2016).
26. **Nürnbergers Nachrichten** [Электронный ресурс] // Moderne deutsch-russische Idiomatik: ein Korpus-Wörterbuch. URL: http://wvonline.ids-mannheim.de/idiome_russ/index.htm (дата обращения: 25.08.2016).
27. **Rhein-Zeitung** [Электронный ресурс] // Moderne deutsch-russische Idiomatik: ein Korpus-Wörterbuch. URL: http://wvonline.ids-mannheim.de/idiome_russ/index.htm (дата обращения: 25.08.2016).
28. **Schemann H.** Deutsche Idiomatik. Die deutschen Redewendungen im Kontext. Stuttgart: Ernst Klett, 1993. 1037 S.
29. **Slawische und deutsche Sprachwelt: typologische Spezifika der slawischen Sprachen im Vergleich mit dem Deutschen** / hrsg. W. Gladrow, S. Heyl. Frankfurt a.M. – Berlin – Bern – N. Y. – P. – Wien: Lang, 1996. 178 S.

ACTUALIZATION OF INTERNAL FORM OF PHRASEOLOGICAL UNITS AS A TRANSLATION PROBLEM

Safina Rimma Abel'khaerovna, Associate Professor
Kayumova Al'bina Ramilevna, Associate Professor
Kazan (Volga region) Federal University
rsafina@mail.ru; alb1980@yandex.ru

The article examines the specifics of translating German idioms into Russian by the material of the modern German press. The data of the modern German-Russian phraseological corpus “Deutsch-russische Idiome online” served as a material for research. The study aims to identify the presentation variants of the internal form of phraseological units and to reveal the most frequent types of interlingual correlations in the translated texts. Moreover, the authors identify the criteria for the equivalence of phraseological unit translation which should be considered when finding interlingual correlations.

Key words and phrases: idiom; internal form; figurative component; evaluative component; interlingual equivalence.

УДК 800

Целью статьи является описание номинаций субъекта психотерапевтического дискурса – психотерапевта. В статье также приводятся социолингвальные характеристики адресата психотерапевтического дискурса – клиента. Автор приходит к выводу, что содержанием психотерапевтического дискурса является разговор о чувствах. Лингвистическим механизмом осознания владеющих клиентом чувств является дефразеологизация. В работе использованы методы понятийного, дискурсивного, интерпретативного анализа.

Ключевые слова и фразы: психотерапевт; клиент психотерапии; осознание; рефлексия; дефразеологизация.

Сумина Наталья Владимировна
Донской государственный технический университет
natalia.sumina@rambler.ru

ПСИХОТЕРАПЕВТ И ЕГО КЛИЕНТ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПАЖИ: СООТНОШЕНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ С РЕАЛЬНОСТЬЮ

Наше время характеризуется формированием нового понимания психики и удивительного мировоззрения, соединяющего последние достижения науки с мудростью древнейших человеческих сообществ. Учёные пришли к выводу, что сознание не просто пассивно отражает объективный материальный мир, а играет активную роль в создании самой действительности. Психическая же реальность индивида выражается, объективируется в его речи, поэтому дискурс является ключевым феноменом психотерапии.

Ощущается необходимость прокомментировать различные номинации специалистов в области врачевания души. Многочисленные рекламы психологической помощи предлагают клиентам услуги различных мастеров. Так, например, в статье «Что может психотерапия» [8] перечислены следующие лексические единицы: *психиатр, психотерапевт, психоаналитик, психолог, психолог-консультант*. Заметим, что при описании поля психотерапии в статье приводится пять видовых названий (согипонимов). Обращает на себя внимание также тот факт, что автор считает необходимым особо остановиться на образовании психотерапевта. Традиционным для этого вида деятельности считается медицинское образование, однако психотерапевтической практикой может заниматься и человек с дипломом факультета психологии или с высшим гуманитарным образованием. Но в любом случае психотерапевт – это высокообразованный профессионал. Кроме того, необходимо подчеркнуть ещё одну сему, объединяющую все вышеперечисленные номинации, – личная зрелость специалиста в области психотерапии (ср.: длительность обучения, необходимость наставника, опыт работы).

Важным с лингвокультурологической и исторической точек зрения нам представляется тот факт, что первой среди номинаций данной профессии названа лексема *психиатр*. Следует указать, что, в отличие от остальных существительных, ключевыми семами слова *психиатр* являются: 1) констатация психического расстройства пациента; 2) методы лечения – лекарства в дополнении с воздействием словом.

В англоязычных толковых словарях [10; 11] зафиксированы следующие номинации: *psychiatrist* (*психиатр*), *psychotherapist* (*психотерапевт*), *psychoanalyst* (*психоаналитик*), *psychologist* (*психолог*), *shrink* (неформ. *психоаналитик*). Интересно, что в словаре Longman Language Activator, построенном по гнездовому принципу, ряд номинаций анализируемой профессии также открывается единицей *psychiatrist* (*психиатр*): *psychiatrist, shrink, analyst* [11, p. 370]. Лексема *psychoanalyst* (*психоаналитик*) в «Словаре английского языка и культуры» издательства Longman [10, p. 1077] снабжена культурологическим комментарием, воссоздающим инвариант восприятия представителя описываемой профессии. Называя атрибуты образа психоаналитика, словарная статья явно отсылает читателей к прецедентным именам и ситуации психотерапевтического дискурса: вспоминаются выдающиеся аналитики З. Фрейд, К. Г. Юнг, а также ситуация под общим названием «на кушетке у психоаналитика». Ср.: название литературоведческого исследования Д. Ранкур-Лаферьера «Лев Толстой на кушетке психоаналитика» [7]. Наличие культурологического комментария в лексикографическом источнике говорит о том, что данные прецедентные феномены хорошо знакомы носителям английского (американского) ментально-лингвального комплекса.

Сами представители данной профессии размышляют о месте психотерапии среди наук о человеке, пытаются определить её статус, онтологические и гносеологические основания. Так, в романе американского психотерапевта И. Ялома «Шопенгауэр как лекарство» [12] автор представляет главного героя психотерапевта Джулиуса Хертцфельда следующим образом: *Julius had reigned over the psychiatric community for thirty years. In his position as professor of psychiatry at the University of California he had trained scores of students and, five years before, had been president of the American Psychiatric Association.*

His reputation? The no-bullshit doctor's doctor. A therapist of last resort, a canny wizard willing to do anything he had to do to help his patient [Ibidem]. /

Ср. в русском переводе:

Вот уже три десятка лет Джулиус был царь и бог местного психотерапевтического сообщества. Он преподавал в Калифорнийском университете, у него была куча учеников, а пять лет назад он даже успел побывать президентом Американской ассоциации психиатров.

Что касается его репутации, без преувеличения можно было сказать, что это врач божьей милостью, каких поискать, искусный мастер, не сдающий ни сил ни времени ради спасения больного [9, с. 11].

Для номинации психотерапевта автор использует следующие контекстуальные синонимы: *effective healer* (*эффективный целитель*), *group leader* (*лидер группы*), *therapist* (*терапевт*), *doctor* (*доктор*), *priest* (*священник*), *shaman* (*шаман*).

Как видим, англоязычные источники подчёркивают связь профессии психотерапевта с психиатрией и, более того, с медицинским типом общения.

Основные черты и качества, репрезентирующие психотерапевта как лингвокультурный типаж, выделены нами на основе обобщения психотерапевтической научной литературы [2; 3]. Важнейшими среди них являются следующие: 1) психотерапевт умеет вербально точно выражать собственный опыт; 2) владеет эффективными стратегиями и тактиками речевого взаимодействия; 3) опирается на нетрадиционные представления о взаимодополняющих и взаимозаменяемых отношениях между объективной реальностью и её описаниями; 4) являясь представителем своей культуры, психотерапевт осознает культурные стереотипы, задающие в свою очередь стереотипные модели психической реальности клиентов, поэтому он воспринимает культурный контекст как относительный, а не абсолютный конструкт; 5) психотерапевт переориентирует психическую реальность клиента, его личные значения и смыслы (если меняется описание, то преобразуется и сама психическая реальность); 6) психотерапевт способен рефлексировать психологические основы своего воздействия и его семиотические механизмы.

Клиентами психотерапевт воспринимается как неординарная, харизматическая языковая личность, обладающая высокой лингвистической компетентностью, языковой интуицией и умело оперирующая логико-лингвистическим анализом. Словосочетание *харизматические психотерапевты* вызывает ассоциации: специалисты, внушающие широкий спектр чувств от восхищения, любви, трепета до негодования, злости, обиды, но только не безразличия.

Психотерапевтическое взаимодействие невозможно без другого его участника – клиента. Социальная категория людей, обращающихся к психотерапевту за помощью, определяется как «*достаточно благополучные люди среднего класса*» [8]. Клиент психотерапии – это человек, который «*решился прийти*» [Там же]. Пропозиция данного высказывания позволяет раскрыть имплицитные значения: адресат психотерапевтического воздействия до посещения специалиста долго колеблется, к профессионалу обращается после сомнений, обдумывания, возможно, преодолев опасения, страхи, нежелание. Такое поведение (*несмотря на опасения, решился прийти*) описывается специалистом с помощью одного из психологических состояний Я – «категории зрелости».

Клиенты психотерапии – социально активные люди. Психотерапевт Е. Л. Михайлова называет своих клиентов «*поколение распробовавших психотерапию*» [5, с. 30]. Данное словосочетание можно трактовать как люди увлеченные; те, которым понравилась психотерапия; которые осознали её пользу; поняли, как это здорово; получили прилив сил после психотерапевтических занятий; те, которые посещали семинары и тренинги; те, которым помогла психотерапия.

Психотерапия, как помогающая практика, может вывести клиента из духовного кризиса, определить новые для него жизненные смыслы. К психотерапевту обращаются, как, очевидно, для того, чтобы больше узнать о себе, так и с целью помочь себе в кризисные моменты жизни. Ср.:

«Не все пути ведут в тёмный лес. Туда обычно отправляются либо те, кто искушен в таких путешествиях и знаком с их возможностями, либо те, кому именно сейчас туда почему-то очень нужно попасть. До разреза... (выделено автором статьи – Н. С.)» [6, с. 140].

Данный контекст глубоко метафоричен. Занятие в психотерапевтической группе описывается как *путешествие*, которое поможет разобраться в *темном лесу* психической реальности клиента. Далеко не каждый осмелится прийти на психологический тренинг: страх изменений, предубеждение, стереотипные установки, ригидность мышления препятствуют этому (*Не все пути ведут в тёмный лес*). Автор выделяет две категории клиентов: 1) искушенные в таких путешествиях (*распробовавшие психотерапию*) и 2) те, кому именно сейчас туда нужно попасть. Разговорная единица *до разреза*, парцеллированная и потому получившая предикативный характер, подчеркивает крайнюю степень необходимости разобраться в себе с помощью специалиста. К психотерапевту приходят люди, обнаружившие себя в *темном лесу*, ощутившие «буксование» жизни, переживающие какой-то духовный кризис.

Психотерапевтический дискурс вовлекает человека (клиента) в рефлексию над собственным жизненным опытом, прежде всего в рефлексию относительно переживания своих чувств. Какие же чувства находятся в фокусе рассмотрения во время психотерапевтической сессии?

В исследовании Е. Михайловой «?Я у себя одна», или Веретено Василисы», посвященном женским психологическим группам, встречаем следующие номинации значимых переживаний: *обида, сильная эмоциональная травма, гнев, счастье, любовь, влюблённость, чувственность, сексуальность, старость, страх, вина, крошечное одиночество, неоплаканное горе и полная безнадежность; а также невозможность выразить чувства, особая растерянная немота, онемелость, эмоциональное окаменение, бесчувствие, безжалостность – что к самой себе, что к окружающим* [6].

Психолог указывает, что «чувство, допущенное в сознание, – это уже шанс его прожить и перерасти» [Там же, с. 27]. Характеризуя используемый психотерапевтический метод психодрамы, автор пишет: «Любую сцену из прошлого можно **“переиграть”** в настоящем времени, “здесь и сейчас”. Это особенно важно, если сильные чувства в реальности не были выражены, остались **под спудом**. Если мы на минуту задумаемся об этом, то поймём: то, что для нас важно, с нами всегда, это всегда “сейчас”, сколько бы лет ни прошло. <...> При этом понимания “одной головой” явно недостаточно: важно войти в соответствующее эмоциональное и физическое состояние. Психодрама не только умеет прояснять, освещать ярким светом осознания и понимания, но и даёт возможность завершить незаконченное, оплакать утраты, досказать невысказанное» [Там же, с. 29].

В данном контексте глагол *переиграть* реализует сразу два значения: 1) сыграть заново; 2) перен. решить по-иному, заново, изменить. Знак *переиграть* получает новую смысловую привязку: *сыграть с новым для себя смыслом*. Психотерапевт замечает: *переиграть* особенно важно, если чувства остались *под спудом*. Психическая реальность клиента (его бессознательное, не данное специалисту в непосредственном наблюдении) описывается как скрытое место, отягощённое (ср. ассоциации с русской мерой веса – *пуд*) неиспользуемыми, невыраженными чувствами, являющимися причиной психологических затруднений личности. Психотерапия не меняет факты жизни клиента, однако преобразует те значения, которые клиент приписывает событиям своей жизни. Актуализован контекст настоящего времени «здесь и сейчас». Понимание головой (разумом) и эмоциональное, а также телесное понимание (рассматриваемое как другой, но не менее глубокий уровень проникновения в суть вещей) находятся в отношениях дополнительности. Метафора *яркий свет осознания и понимания* в сочетании с контекстуальными синонимами *завершить незаконченное, оплакать утраты, досказать невысказанное* усиливает идею важности психологического завершения того или иного дела для человека.

Психотерапевтические занятия дают возможность *«осветить фонариком чувства и назвать их»*. Чувствами нельзя управлять, но, названные (и опознанные), они кажутся менее опасными. Здесь следует обратить внимание на функцию называния: неназванное (чувство, эмоция, переживание) ощущается каким-то смутным, рыхлым и вязким веществом, в то время как названное, опознанное и осознанное получает определенность, упругость и энергетический потенциал, становится более контролируемым и, соответственно, более безопасным.

Различные виды понимания и степени осознания связаны с таким понятием, как рефлексия. Психотерапевт, профессионально рефлексирующий субъект, научает клиента механизму рефлексии. Для целей данного исследования актуально понимание рефлексии как «связки между наличным опытом и осваиваемым гносеологическим образом» [1, с. 81]. Под «осваиваемым гносеологическим образом» следует понимать разные (непривычные для клиента, иные, нестереотипные) подходы к явлениям его жизни, предлагаемые профессионалом в рамках того или иного психотерапевтического направления. Существенным является тот факт, что в процессе рефлексии одновременно корректируются и предлагаемый клиенту новый образ себя и своей жизни, и его отношение к личностному жизненному опыту. Рефлексия, таким образом, становится еще одним источником знаний для клиента.

Рассмотрим некоторые лингвистические механизмы, сопровождающие данный процесс. Так, Е. Л. Михайлова всегда спрашивает своих клиентов о цели их прихода в терапевтическую группу: «*Что могло бы быть для Вас результатом этой Вашей работы? Понятно, что иногда приходится поторговаться: таких “контрактов”, как решение всех проблем за полчаса или “счастье вообще”, мы не заключаем: это, что называется, дохлый номер. Для меня принципиально важно, чтобы цель и “фокус” работы формулировала сама героиня: это её жизнь, её чувства, мало ли что покажется ведущей и группе!*» [6, с. 33].

Психотерапевт способствует автономности и самостоятельности клиента в принятии жизненно важных решений. Именно этим внутренним намерением обусловлен его вопрос: «*Что могло бы быть для Вас результатом этой Вашей работы?*» Контекст полифоничен: лексическим единицам рекламного дискурса (*контракт «решение всех проблем за час», «счастье вообще»*), вызывающим ассоциации с объявлениями

различных гадалок, ворожей и целителей, и бытового типа общения (*то, что называется дохлый номер*) противопоставлена спокойная констатация психотерапевтом личной ответственности клиента за собственную жизнь: *это её жизнь, её чувства*. Данная дискурсивная единица созвучна с контекстом Н. Ф. Калиной: *«Я хочу Вам помочь, но не стану подталкивать к конкретному выбору, тем более – как-то влиять на жизненно важные решения. Это Ваша жизнь, и Ваша ответственность»* [3, с. 13].

Неспециалисту трудно разобраться в психологических уловках, как в своих собственных, так и партнера, ведь в психической реальности обоих переплетено множество мотивов, побуждений, чувств:

Посмотрите, сколько вокруг женщин, гордящихся тем, что «отдали всё» – и сколько из них нанесли этим серьёзный вред не только себе, но и тем, ради кого разбивались в лепёшку, ложились трупом и выворачивались наизнанку. Язык наш – инструмент тонкий: хорошее дело вряд ли называлось бы такими словами. Какие могут быть партнерские отношения с вывернутым наизнанку, разбитым в лепёшку трупом [6, с. 159]?

Номинация *«женщины, которые отдали всё»* вызывает в памяти ситуации бытового конфликтного общения: ср. типичные высказывания обиженных жён или матерей *«Я тебе жизнь отдала, лучшие годы, молодость»* и т.д. За означаемыми данными дискурсивными единицами, а также их контекстуальными синонимами (*я в лепёшку разбивалась, трупом ложились, выворачивалась наизнанку*) скрываются означаемые – упрёк, обвинение, а также требование (*так как я делала это, ты мне должен*), косвенным образом высказываемые адресату. Психотерапевт, следуя правилу «означающее как означающее» [3, с. 232] и анализируя коннотативные значения, стоящие за данными фразеологическими единицами, высказывает свои размышления в виде риторического вопроса: *Какие могут быть партнерские отношения с вывернутым наизнанку, разбитым в лепёшку трупом?* Лингвистическим механизмом, действующим в данном контексте и придающим ему эмоциональную убедительность, является дефразеологизация – буквализация значения фразеологических единиц, когда «исходное, прямое значение сочетания, представляющее собой образную основу фразеологической единицы, не только актуализируется, но выступает на первый план, часто противопоставляясь фразеологическому значению оборота» [4, с. 14]. *Партнёрские отношения* предполагают равноправные, уважительные отношения без взаимных претензий. Однако если одна из сторон постоянно использует модальность долженствования, ограничивающую свободу адресата, то здоровых взаимоотношений не рождается.

Таким образом, психотерапевтический дискурс характеризуется ориентированностью на субъекта: психотерапевт способствует развитию автономности и самостоятельности клиента. Дискурсивной формулой, функционирующей в данном типе общения, является фраза: *«Это Ваша жизнь, и Ваша ответственность»*. В фокусе психотерапевтического взаимодействия находятся значимые переживания клиента. В ходе такого взаимодействия психотерапевт научает клиента рефлексии, способствующей осознанию чувств, следует правилу «означающее как означающее» (одним из лингвистических механизмов которого является дефразеологизация).

Список литературы

1. Бушев А. Б., Зиньковский А. К., Агкачева М. Г. Психотерапевтическая риторика: монография. Тверь: ООО «Издательство “Триада”», 2013. 256 с.
2. Калина Н. Ф. Лингвистическая психотерапия [Электронный ресурс]. URL: <http://klex.ru/brs> (дата обращения: 14.10.2016).
3. Калина Н. Ф. Основы психоанализа. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2001. 352 с.
4. Куклина И. Н. Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2006. 24 с.
5. Михайлова Е. Л. Вчера наступает внезапно. Психодрама и культура повседневности. М.: Независимая фирма «Класс», 2009. 288 с.
6. Михайлова Е. Л. «Я у себя одна», или Веретено Василисы. М.: Независимая фирма «Класс», 2003. 320 с.
7. Ранкур-Лаферьер Д. Лев Толстой на кушетке психоаналитика // Ранкур-Лаферьер Д. Русская литература и психоанализ / пер. с англ. М.: Ладомир, 2004. С. 541-859.
8. Что может психотерапия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychologies.ru/psychotherapy/methods> (дата обращения: 18.05.2015).
9. Ялом И. Шопенгауэр как лекарство: психотерапевтические истории / пер. с англ. Л. Махалиной. М.: Эксмо, 2011. 544 с.
10. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman, 1998. 1568 p.
11. Longman Language Activator. The World's First Production Dictionary. Longman Group UK Limited, 1993. 1587 p.
12. Yalom Irvin D. The Schopenhauer Cure [Электронный ресурс]. URL: <http://readli.net/the-schopenhauer-cure/> (дата обращения: 26.06.2016).

PSYCHOTHERAPIST AND HIS CLIENT AS LINGUOCULTURAL TYPES: THE RELATION OF LEXICOGRAPHICAL INTERPRETATIONS AND THE REALITY

Sumina Natal'ya Vladimirovna
Don State Technical University
natalia.sumina@rambler.ru

The aim of the article is to describe the nominations of the subject of psychotherapeutic discourse – a psychotherapist. The article also gives the socio-lingual characteristics of the addressee of psychotherapeutic discourse – the client. The author concludes that the content of the psychotherapeutic discourse is talking about feelings. The linguistic mechanism of awareness of senses possessing the client is dephraseologisation. The author of the article uses the methods of conceptual, discursive and interpretive analysis.

Key words and phrases: psychotherapist; psychotherapy client; awareness; reflection; dephraseologisation.